

УДК 140. 8

Р.А. ДОДОНОВ (доктор философских наук, профессор кафедры философии)

Донецкий национальный технический университет, Донецк

**КРИТИКА П.М. БИЦИЛЛИ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ
ЕВРАЗИЙСТВА**

В статье предпринимается попытка оценить основные положения геософской концепции исторического процесса, предложенной российско-болгарским культурологом П.М. Бицилли в работе «"Восток" и "Запад" в истории Старого Света». Доказывается, что не покидая в целом евразийского дискурса, Бицилли высказывает конструктивную критику в адрес евразийцев. Вместо упрощенной оппозиции «Восток-Запад» с посреднической ролью России мыслитель предлагает пространственную (центр-периферия) и временную (этапы культурного единства континента и разрыва последнего) конкретизацию. Тем самым Бицилли демонстрирует скрытый потенциал евразийской идеи, выходящий за пределы классических евразийских интерпретаций истории.

Ключевые слова: евразийство, философия истории, геософия, П.М. Бицилли, Запад, Восток, Россия.

Известный европейский – российский, украинский, болгарский – философ, культуролог, историк Петр Михайлович Бицилли родился в 1879 году в Одессе. Его не совсем обычная фамилия объясняется тем, что предками исследователя были выходцы с Балкан, поступившие при Екатерине II на русскую службу и удостоенные дворянства за доблесть в войнах с Турцией и формирование на собственные средства волонтерских казачьих полков в 1812 году. «Потомственный дворянин, П.М. Бицилли родился в семье банковского служащего, начальное образование получил дома, а затем поступил сразу в 4-й класс гимназии, которую окончил в 1899 году с серебряной медалью» [3, с.20]. Высшее образование Петр Бицилли получил на историко-филологическом факультете Императорского Новороссийского университета в Одессе. Полный университетский курс он прослушал в 1904 году, а в 1910 сдал магистерский экзамен и был утвержден в должности приват-доцента на кафедре общей истории. Кроме своей альма-матер он читал лекции по истории культуры в Одесском политехническом институте и на Высших женских курсах. В 1917 году в Петроградском университете он защитил магистерскую диссертацию на тему: «Салимбеле: очерки итальянской жизни XIII века». По возвращению в Одессу П.М. Бицилли был избран доцентом Императорского Новороссийского университета, а затем – экстраординарным профессором последнего. Бицилли не принимал активного участия в событиях Гражданской войны, но, по его собственному признанию, «...по своей установке, по своим связям, которые поддерживал, находился в лагере, враждебном октябрьской революции; когда наступил неизбежный крах контрреволюции, вместе с людьми, меня окружавшими, покинул Родину...»

[4, с.911].

В феврале 1920 года семья Бицилли эмигрировала в Сербию, откуда в 1924 году Петр Михайлович перебрался в Софию, где сосредоточились основные идейные силы будущего евразийского учения. Близкий друг Бицилли и его коллега по университету Г.В. Флоровский рекомендовал Петра Михайловича своим единомышленникам. В частности, с Петром Николаевичем Савицким и Георгием Владимировичем Вернадским у него завязались долговременные дружеские и научные отношения. В кружке евразийцев Бицилли нашел свое первое после эмиграции интеллектуальное пристанище. Его работы 20-х годов прошлого века содержательно включены в евразийский дискурс и направлены на углубление и популяризацию лежащих в его основе идей. И вместе с тем, далеко не все историки науки склонны идентифицировать П.М. Бицилли как евразийца. В современной науковедческой публицистике существуют разногласия в ответе на вопрос о том, был ли он таковым. И.Н. Коновалов в специально посвященной этой проблеме статье «П.М. Бицилли и евразийство» [5] попытался представить весь спектр мнений. Так, одни авторы (В. Вомперский, Е. Тюгашев, Р. Вахитов, Г. Жданов) непосредственно относят мыслителя к числу евразийцев. Б. Каганович и М. Бирман оговаривают, что о Бицилли можно говорить как о евразийце, но только с учетом эволюции и изменения его отношения к данной доктрине. Болгарская исследовательница Д. Григорова из Софийского университета характеризует П.М. Бицилли как «полуевразийца», аргументируя свой вывод тем, что у него больше общих черт, чем отличий с ранним евразийством [6]. А И. Коновалова в статье «Евразийство в творческом наследии П.М. Бицилли» настаивает, что «Бицилли не был евразийцем, он не принадлежал к представителям этого направления, идея о Бицилли как об одном из разработчиков философской концепции евразийства есть, на наш взгляд, необоснованной, но проблемы, которые поднимались прямо или косвенно представителями евразийства, волновали его, а некоторые их положения были ему близки. Историк после 1922 года стал тем, кто сочувствовал евразийскому движению» [7, с.348].

Так или иначе, но следует признать наличие известной дистанции между взглядами П.М. Бицилли и воззрениями П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Н.Н. Алексеева и других мыслителей, безоговорочно отождествлявших себя с евразийством. Эта дистанция со временем лишь возрастала, особенно после раскола течения и образования Парижского центра евразийства во главе с Карсавиным. Еженедельник «Евразия», ставший печатным органом Парижского центра, выходил под контролем Москвы, и основатели евразийства – П.Н. Савицкий и Н.С. Трубецкой – критически высказались в адрес новой газеты. Именно тогда Г.В. Флоровский написал свой «Евразийский соблазн», покаявшись в причастности к разработке ложного учения.

П.М. Бицилли также опубликовал разгромную статью «Два лика евразийства» [1], в которой – подобно Флоровскому и Бердяеву – решительно заявил о своем разрыве с евразийством. Содержание этой статьи

достаточно хорошо проанализировано в современной науковедческой литературе. Дабы исключить неизбежные в таких случаях повторы, хотелось бы обратить внимание на другую, быть может, менее выразительную в политическом плане, но гораздо более глубокую в теоретическом отношении работу П.М. Бицилли. Речь идет о статье 1922 года «"Восток" и "Запад" в истории Старого Света» [2], в которой изложение основ евразийского взгляда на философию истории чередуется с его конструктивной критикой и выработкой альтернативной точки зрения. Предложенная П.К. Бицилли новая интерпретация исторического процесса сознательно противопоставляется широко распространенным в школьных учебниках вульгарным (в тексте – «вульгате») и схематическим представлениям о «мировой истории». «В основе предложенного плана лежит признание связанности истории и географии – в противоположность вульгате, в начале «руководства» отделяющейся от «географии» небольшим очерком «устройства поверхности» и «климата» с тем, чтобы более к этим скучным вещам не возвращаться» [2, с.39-40]. Как следует из названия статьи, П.М. Бицилли пытается осмыслить евразийство через призму понятий «Восток» и «Запад», указывая, что под Востоком чаще всего подразумевается Азия, а под Западом – Европа. С помощью этих понятий философы истории интерпретируют борьбу свободы и деспотизма, прогресса и косности. «В разнообразных формах длится их вечный конфликт, прообраз которого дан в столкновении Царя Царей (т.е. Ксеркса – Р.Д.) с демократиями Эллады» [2, с.23]. Славянофильская установка на негативную оценку Запада переключалась в евразийство, где стала одной из концептуальных доминант. «Европеизация, – писал Н.С. Трубецкой, – безусловное зло, а космополитизм – наглый обман». Не Европа, но Евразия становится ареной выработки нового мирозерцания, в котором необходимо учитывать не только достижения исключительно романо-германской цивилизации, но и вклад во всемирную историю Востока-Азии.

Принципиально не возражая против такого подхода, П.М. Бицилли, тем не менее, считает необходимым внести некоторые уточнения, сводящиеся, во-первых, к напоминанию известной условности оппозиции Запад-Восток. Ведь такое деление само есть продуктом логики европоцентризма. Для тех же, кто пытается анализировать историю со стороны, находясь, например, в Новом свете, система координат «прогрессивный Запад – отсталый Восток» отнюдь не представляется аксиоматичной. К тому же нельзя забывать, что и у самой Европы имеются собственный Запад в лице романо-германской цивилизации и собственный Восток в лице Византии и Руси, точно так же как и у Азии есть свой Запад в виде исламских стран и свой Восток в виде Китая. Причем как Крайний Запад, так и Дальний Восток – более развитые цивилизации и потому агрессивные в культурно-историческом плане – стараются отграничиться от степного мира в центре материка. И тогда Китай, являющийся в отношении Монголии географическим Востоком, в культурном отношении стает для нее Западом. Во-вторых, пресловутый «конфликт» Востока и Запада должен

быть дополнен признанием не только антагонизма, но и диалога, взаимообогащения, интеграции обоих культурных миров. «Контраст культур Запада и Востока не есть заблуждение истории, напротив, его всячески приходится подчеркивать». Но при этом необходимо: а) не упускать из виду за этим контрастом и черты сходства; б) поставить заново вопрос о самих носителях контрастирующих культур, в) раз и навсегда покончить с привычкой видеть контраст во всем, даже там, где его нет. В-третьих, П.М. Бицилли справедливо указывает, что концепции истории как дуэли Запада и Востока, может быть противопоставлена концепция взаимодействия центра и окраин, как не менее постоянного исторического факта. Из России, например, сама Европа выглядит такой же обособленной частью континента, как Иран, Индостан или Китай. По отношению к России, и романо-германские страны, и Китай держатся преимущественно оборонительно. Ставшая символом косности и изоляционизма Великая Китайская стена изначально была таким же пограничным рубежом, как и римские укрепления, целью которых было уберечь античную цивилизацию мир от нашествия варваров. Тем не менее, через всю мировую историю красной нитью проходит стремление различных империй установить контроль над торговыми путями, объединяющими Запад и Восток, античную цивилизацию с Индией и Китаем. Россия-Евразия, объединив Центральную Европу с Центральной Азией, перенимает эстафету правителей Ассирии и Вавилона, их наследников – великих царей Ирана, Александра Македонского, арабских калифов и Чингисхана. «Продвижение России в Среднюю Азию, в Сибирь и в Приамурский Край, проведение Сибирской железной дороги – все это с XVI в. и до наших дней составляет проявление одной и той же тенденции. Ермак Тимофеевич и фон Кауфман или Скобелев, Дежнев и Хабаров – продолжатели великих монголов, пролагатели путей, связующих Запад и Восток, Европу и Азию, «Та-Тзин» и Китай» [2, с.29].

П.М. Бицилли иллюстрирует несостоятельность схематично-упрощенного противопоставления Европы и Азии многочисленными примерами из политической истории, истории культуры и философии. Не воспроизводя их в рамках нашей статьи, отметим лишь, что приведенные факты существенно подрывают авторитет распространенного образа всемирной истории как борьбы Запада и Востока. Роль России при этом сводилась к функции щита просвещенной Европы от напора дикой азиатчины. Мы, как послушные холопы,

Держали щит меж двух враждебных рас,
Монголов и Европы!...

«Такие и подобные формулы только свидетельствуют о нашей зависимости от западной исторической вульгаты, зависимости, от которой, как оказывается, трудно отделаться даже людям, ощутившим русское «евразийство». Миссия, символ которой «щит», «стена» или «твердокаменная грудь», кажется почетной и даже подчас блистательной с точки зрения, признающей только европейскую «цивилизацию»

«настоящей» цивилизацией, только европейскую историю «настоящей» историей. Там, за «стеною» нет ничего, ни культуры, ни истории – только «монгольская дикая орда». Выпадает щит из наших рук – и «свирепый гунн» будет «мясо белых братьев жарить» [2, с.37]. Сам П.М.Бицилли предлагает заменить в исторической миссии российской государственности символ Щита на символ Пути, точнее, дополнить первый вторым. Ибо Россия не только отделяла, но и связывала Европу с Азией. Она не только посредница между отдельными окраинами Евразийского материка, но и арена скрещивания ценностей восточных и западных цивилизаций. Такой вывод исследователя вытекает из осознания им того, что именно «окраинам» – Европе, Индостану, Ирану, Китаю – всегда принадлежала творческая, созидаящая роль. Центральная же часть Евразии («пространство от Урала до Куэн-Луны, от Ледовитого океана до Гималаев») являлось полем для синтеза окраинно-приморских культур, а также и фактором их распространения и внешним условием для выработки культурного синкретизма.

Но было ли так всегда? Ответ на этот вопрос П.М. Бицилли ищет в контексте проблемы единства мировой истории. Для европоцентричной философии истории очевидно, что исторический процесс приобретает всемирный характер не ранее великих географических открытий. При этом игнорируется «возможное взаимодействие фактов развития культурного человечества». В частности, история религии представлялась в XVIII столетии как постепенное и неизбежное преодоление «заблуждений»: «в один прекрасный день – здесь раньше, там позже – у людей открываются глаза, и от заблуждений они обращаются к «Здравому разуму», к «истине», которая всюду и всегда тождественна самой себе» [2, с.32]. С позитивизмом XIX века данную концепцию эпохи Просвещения рознила лишь отсутствующая в ней ссылка на эволюционный и закономерный характер этих трансформаций. С утверждением за указанной тенденцией статуса закона (вспомним контовский закон трех фазисов умственного развития человечества) институционализируется новая научная дисциплина – сравнительная история религий. Она была призвана а) понять психологию религиозных явлений путем привлечения разнообразных материалов, лишь бы сопоставляемые факты приходились на одинаковые стадии культурного развития, и б) построить идеальную историю развития человеческого духа, в которой отдельные эмпирические истории являлись частичными проявлениями. Но сравнительная история религий не хочет замечать поразительного синхронизма в религиозно-философском развитии практически всех культурных миров.

Опережая Карла Ясперса с его концепцией «осевого времени», П.К. Бицилли указывает, что в VI веке до н. э. происходит единовременный и сознательный скачок от естественных культов к монотеистским учениям, которые легли в основу цивилизационного процесса: в Индии проповедует Будда, в Китае – Конфуций и Лао-цзы, в Персии – Заратустра, в Элладе происходит религиозная реформа Пифагора, разрабатываются

Додонов Р.А., 2013

рационалистический теизм Анаксагора и мистическое учения Гераклита о Логосе и т.д. «Единство истории духовного развития старого света можно проследить и дальше. Относительно причин несомненного сходства умственного развития Эллады и Китая в одну и ту же эпоху можно делать только предположения. Трудно сказать, в какой степени индусская теофанистическая религиозная философия оказала влияние на ближневосточный гносис и на теофанизм Плотина, другими словами, на религиозную философию христианства; но отрицать самый факт влияния вряд ли возможно. Один из главнейших элементов христианского мировоззрения, оставивший, быть может, наибольший след на всей европейской мысли, мессианизм и эсхатология, был наследован иудаизмом от Ирана» [2, с.34]. Единство мировой истории сказывается и в распространении великих исторических религий. Культ Митры проникает в Рим как раз тогда, когда начинается проповедь христианства. Христианство распространяется на Востоке по великим торговым путям – тем самым, по которым ранее распространялся буддизм и позже – мусульманство. Несторианская версия христианства была широко распространена по всему Востоку вплоть до XIII века, когда назойливая активность западных миссионеров способствовала отторжению христианства и росту ислама и буддизма. Легкость и быстрота распространения великих духовных течений в Старом Свете была в значительной мере обусловлена толерантностью населения Центральной Азии, обеспечивавшего транскультурные взаимодействия.

Таким образом, единая история существовала задолго до ее концептуализации в эпоху Просвещения. Тезис о ее генезисе в период великих географических открытий – не более чем европоцентричный миф. «Модная идея «единой мировой религии», – пишет П.М. Бицилли, – такая же безвкусица, как идея «международного языка», продукт непонимания сущности культуры, которая всегда творится и никогда не «делается» и потому всегда индивидуальна» [2, с.36]. Больше того, «история «всемирная» начинается как раз тогда, когда единство Старого Света нарушается. То есть здесь нет прямолинейного прогресса: история в одно и то же время и выигрывает в «экстенсивности», и теряет в «цельности» [2, с.40]. Иначе говоря, обнаружившееся с Нового времени превосходство Запада над Востоком, которое с европоцентричной позиции расценивается как генезис единой мировой истории, на самом деле является распадом и партикуляризацией исторического процесса. Пытаясь хронологически соотнести различные стадии в истории Старого Света, П.М. Бицилли отрицает правомерность ее изложения как последовательную смену отдельных историй: сначала Вавилон и Египет, затем Эллада, потом Рим и проч. Вместо этого он акцентирует внимание на синхронности и внутреннем единстве истории континента, в которой обнаруживаются следующие этапы: 1) примерно от 1000 года до н.э. до 1500 года – «одно огромное, необыкновенно мощное и напряженное движение, из нескольких центров сразу, но центров, отнюдь не изолированных: за это время все

Критика П.М. Бицилли философии истории евразийства

проблемы поставлены, все мысли передуманы, все великие и вечные слова сказаны. Этот «евразийский» период оставил нам такие богатства, красоты и истины, что мы до сих пор живем его наследием» [2, с.41]; 2) с XVI в. по начало XX в. – период дробления: Европа отделяется от Азии, в самой Азии выпадает «центр», остаются одни «окраины», духовная жизнь замирает и скудеет» [2, с.41]; 3) с начала XX века и в обозримую перспективу – возрождение утраченного единства Старого Света. О том, что оно возможно свидетельствует факт возрождения Востока, как результат европеизации, т.е. усвоения того, чего не доставало Востоку и чем силен Запад – технических средств культуры, всего того, что относится к современной цивилизации. При этом Восток не утрачивает своей индивидуальности. Величайшей «культурной задачей нашего времени» называет Бицилли равноправный диалог цивилизаций, взаимное оплодотворение, нахождение путей к культурному синтезу, который бы, однако, проявлялся всюду по-своему, будучи единством в многообразии. Как видно, предложенная периодизация существенно отличается от широко распространенного во времена Бицилли формационного подхода, в соответствии с которым всемирно-исторический процесс изображался в виде последовательно сменяющих друг друга ступеней – способов производства или общественно-экономических формаций (первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, буржуазной, коммунистической). Именно принадлежностью к той или иной формации определялся уровень прогресса конкретного общества. Оценивая данный подход, П.М. Бицилли пишет: «нет нужды доказывать, что идейные источники этой теории восходят не только к насилующей историю, «как она на самом деле происходила», метафизике Гегеля, но еще хуже – к мифологическим представлениям античности и средневековья о «кочеваньях культуры»: ибо ошибка здесь заключается не в констатировании факта, но в его осмыслении. Факт же, что культура не держится постоянно на одном и том же месте, но что центры ее перемещаются, как и другой факт, что культура вечно меняется, и притом не количественно, но и качественно, или, вернее, только качественно (ибо культуру нельзя вообще «измерять», а только оценивать), – не подлежит никаким оспариваниям. Но было бы бесплодно пытаться подвести трансформации культуры под «закон» о прогрессе» [2, с.41].

Возвращаясь в контексте своей концепции к исторической роли России, П.М. Бицилли отмечает, что ее «новейшая судьба» может быть рассмотрена как грандиозная попытка восстановления континентального центра и тем самым воссоздания Евразии. Будучи продолжательницей «исторической миссии» Чингисхана и Тимура, стремившихся взять под контроль великие торговые пути между Западом и Востоком, Россия, в отличие от прежнего «центра», не станет просто посредницей в обмене идей, но осуществит синтез восточных и западных культур. «От исхода этой попытки, еще не определившегося и ныне более темного, чем когда-либо, зависит будущее», – заключает исследователь [2, с.42]. Подводя итоги сказанному, отметим, что Петр Михайлович Бицилли в статье «"Восток" и Додонов Р.А., 2013

"Запад" в истории Старого Света» обозначил концептуальные контуры собственного взгляда на философию истории, который учитывает моменты политического, социального, культурного развития народов Старого Света. При этом географическая составляющая концепции (Восток-Запад) является не просто обязательным, но второстепенным фоном, а эффективно функционирующей системой культурологических категорий, что дает основание охарактеризовать схему Бицилли как геософскую. Продолжая в целом двигаться в русле евразийского дискурса, он, тем не менее, высказывает конструктивную критику в адрес евразийцев. Вместо упрощенной оппозиции «Восток-Запад» с посреднической ролью России Петр Михайлович предлагает пространственную (центр-периферия) и временную (этапы культурного единства континента и разрыва последнего) конкретизацию, чем демонстрирует эвристический потенциал евразийской идеи, который выходит за пределы интерпретаций истории, возникших в рамках евразийского движения.

Список использованной литературы:

1. Бицилли П.М. Два лика евразийства / П.М. Бицилли // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993. – С.279-291.
2. Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света / П.М. Бицилли // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993. – С.24-35.
3. Курамшина Ю.В. Творчество Петра Михайловича Бицилли в отечественной историографии / Ю.В. Курамшина // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 68. – С. 20-23.
4. Васильева М. Бицилли Петр Михайлович / М. Васильева // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции: Энциклопедический биографический словарь. - М.: РоссПЭН, 1997. – С. 90–92.
5. Коновалов И.Н. «П.М. Бицилли и евразийство»: концептуальные подходы к решению проблемы в современной историографии / И.Н.Коновалов // Curriculum Vitae. Сборник научных трудов. – 2010. – Вып. 2. – С.34-37.
6. Григорова Д. Пётр Бицилли и евразийство / Дарина Григорова // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 10. –Одеса-Велико Търново, 2009. – С. 303–308.
7. Коновалова І. Євразійство у творчій спадщині П.М.Біцилли / Ірина Коновалова // Наукові записки Одеського національного університету імені І.І. Мечнікова. Серія „Філософія». – 2012. – Випуск 10. – С.339-350.
8. Вахитов Р.Р. Классическое левое евразийство. Основные идеи [Электронный ресурс] / Р.Р. Вахитов. Адрес доступа: http://rus-crisis.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=442:442&catid=46:2009-07-27-17-59-16&Itemid=74).

REFERENCES (TRANSLATED & TRANSLITERATED)

1. Bitsilli P.M. Two faces of the Eurasian / P.M. Bitsilli // Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. - Moscow: Nauka, 1993. - P.279-291.
2. Bitsilli P.M. "East" and "West" in the history of the Old World / P.M. Bitsilli // Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. - Moscow: Nauka, 1993. - P.24-35.
3. Kuramshina Y. Pyotr Mikhailovich Bitsilli creativity in the national historiography / Y. Kuramshina // Culture of the Black Sea land. - 2005. - № 68. - P. 20-23.
4. M. Vasiliev/ Bitsilli Peter M. / M. Vasiliev // Russian abroad. The Golden Book of emigration Collegiate Biographical Dictionary. - Moscow: Rosspen, 1997. - P. 90-92.

5. Konovalov I. «P.M. Bitsilli and Eurasianism»: approaches to solving problems in modern historiography / I.N.Konovalov // Curriculum Vitae. Collection of scientific works. - 2010. - Issue. 2. - P.34-37.

6. Grigorov D. Potr Bitsilli and Eurasian / Darina Grigorova // Blgarite Severnoto in Seaside. Izsledvaniya and material. T. 10. - Odessa-Veliko Tarnovo, 2009. - P. 303-308.

7. Konovalov I. Eurasianism in the creative legacy P.M.Bitsilli / Irina Konovalov // Scientific notes of Odessa National University named after I. Mechnikov. Series "Philosophy". - 2012. - Issue 10. - P.339-350.

8. Vakhitov R.R. Classical left eurasianism. Basic ideas [electronic resource] / R.R. Vakhitov. Access: http://rus-crisis.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=442:442&catid=46:2009-07-27-17-59-16&Itemid=74).

Р.О.ДОДОНОВ

Донецький національний технічний університет, Донецьк

КРИТИКА П.М. БІЦІЛЛІ ФІЛОСОФІЇ ІСТОРІЇ ЄВРАЗІЙСТВА.

У статті здійснено спробу оцінити основні положення геософської концепції історичного процесу, започаткованої російсько-болгарським культурологом П.М. Біціллі у праці «"Схід" і "Захід" в історії Старого Світу». Доводиться, що не покидаючи в цілому євразійського дискурсу, Біціллі висловлює конструктивну критику на адресу євразійців. Замість спрощеної опозиції «Схід-Захід» з Росією у ролі посередника мислитель пропонує просторову (центр-периферія) і часову (етапи культурної єдності континенту і разриву останнього) конкретизацію схеми. Тім самим Біціллі демонструє прихований потенціал євразійської ідеї, що виходить за межі класичних євразійських інтерпретацій історії.

Ключові слова: євразійство, філософія історії, геософія, П.М. Біціллі, Захід, Схід, Росія.

R.DODONOV

Donetsk National Technical University, Donetsk

THE CRITICISM OF EURASIAN PHILOSOPHY OF HISTORY BY P.M. BITSILLI

The article is devoted to the analysis of geosophy concept of history started by Russian-Bulgarian culture expert P.M. Bitsilli in his work «East» and "West" in the History of the Old World». It is proved that Bitsilli gives the constructive criticism of the Eurasians without leaving the Eurasian discourse in general. He suggests space (center-periphery) and time (stages of cultural unity of the continent and its gap) specification of the pattern instead of the simplistic opposition of "East-West" with mediating role of Russian. Thus, Bitsilli demonstrates the hidden potential of the Eurasian idea that goes beyond the classical Eurasian interpretations of history.

Keywords: Eurasianism, the philosophy of history, geosophy, P.M. Bitsilli, West, East, Russia.

Стаття надійшла до редколегії 19.01.13

Прийнята до друку 24.01.13